

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Христос Воскресе! Церковь празднует Пасху 52 раза в год – ровно столько воскресных дней есть в году, и Пасха празднуется каждое воскресенье, поэтому мы, не согрешая, ничего не отменяя, ничего не нарушая, можем приветствоваться пасхальными словами в день малой Пасхи – в воскресный день.

Сегодня мы совершаем с вами память Всех Святых, от века Богу угодивших, ведомых и неведомых. Думаю, что неведомых больше, чем ведомых. Этот праздник логически вытекает из предыдущего воскресенья, которое было воскресеньем сошествия Святого Духа на апостолов.

Дух Святой сошел на Господа Иисуса на Иордане в виде голубя, а до этого голубь участвовал, настоящий голубь, не Дух в виде голубине, а настоящая птица – голубь – участвовала в истории мира при потопе всемирном.

Дух Святой ведет себя примерно так с человеком, как вел себя голубь, выпускаемый Ноем из ковчега. Как вы помните, вода шла очень долго, горы размокли, и темные тяжелые воды, насыщенные трупами людей и животных, били о стенки ковчега. Потом вода перестала, а все было покрыто этой водной стихией, и чтобы найти сухое место, Ной выпускал из ковчега птиц.

Сначала ворона, потом голубя. Голубь летал и прилетал. Ной вынимал руку из ковчега... Кстати, голубь возвращался обратно, потому что не было для ног его места покоя. Потом однажды он улетел и прилетел с маленькой добычей – с масличным листиком во рту. А потом улетел – и уже не возвращался, что означало, что он нашел для себя место покоя, и уже вода начала сбывать, уходить с земли.

Вот точно так же ведет себя Господь, Дух Святой, Дух Животворящий, с человеческой душой. Он летает и прилетает, он приходит и уходит, он ищет себе место покоя. Не находит его. Приходит к человеку и уходит от человека. Опять приходит и опять уходит. Много раз на дню Дух Святой посещает человека и отходит от него, не находя для себя места покоя, потому что человек словно покрыт грязной водой потопа – грехами всякими.

В некоторых душах Господь находит маленькую жатву – некий масличный листочек во рту приносит с собою. Это значит, кто-то что-то доброе сделал. То, что доброе человек сделал, это от Духа Божьего. Апостол Павел говорит, что мы не можем не только сделать, но и помылиться ничего доброго от себя, но всё – дарование от Господа.

Человек говорит: «Простил врага», – и считает это великой жертвой. Или смилостивился над стариком, больным, нищим, беглецом, пришельцем и так далее – это великая жертва. Человек хотел сказать гадость и прикусил язык – это великая жертва. Человек заработал сумму х и х разделил на 10, отдал в руки неимущему – это великая жертва. Все это масличные листочки во рту у Духа Святого, в клюве у Великого Голубя. А вот если он уже прилетел и не улетает, нашел место покоя и никуда не уходит, то это уже святость. Дивен Бог во святых Своих, это Бог Израилев. Святость – это когда Бог живет в человеке. Святость не зависит от человеческих трудов, святость есть дар Божий. И к святости призваны все люди.

Вот мы с вами являемся святыми по призванию. Когда священник в алтаре служит службу, он говорит: «Святая святых». «Святая – это двойственное число. Это имеется в виду Кровь Господня и Тело Господа. Святая – святым.

Слово пастыря

Кому? Вам.

А как бы перепугавшись этого призвания, люди говорят: «Что вы! Что вы! Един свят! Един Господь! Иисус Христос во славу Бога Отца».

То есть не я святой, Господь свят. А мы святые по причастию. Господь свят по природе, а мы святые по причастности к Нему. Кто с Богом, тот свят.

Что мы можем сказать о святости, христиане? Во-первых, скажу, что святость парадоксальна. Святость неузнаваема при близком рассмотрении, в упор. Святого и грешника очень легко перепутать. На примере Самого святого – Господа Иисуса. Мы видим, что Его святость была непонятна и отвергнута, то есть святых не понимают. Мы думаем о святых что-то, а святые – это другие, они совершенно иные, они совершенно не такие, какими мы себе хотим их представить.

Порядочность – это не святость. Святость больше. Праведность – это не святость. Святость больше. Святость удивительна и парадоксальна. Есть святые, которые святые от чрева мамы. Например, Иоанн Предтеча. Он знал Господа, когда еще был во чреве. Господь был во чреве девы Марии, Предтеча был во чреве Елизаветы, и Предтеча уже игрался во чреве, потому что радовался о Христе в темноте утробы.

Человек живет в материнской утробе в воде и головой вниз, в темноте и ест через пупок, а рот, нос и уши закрыты – это самое фантастическое состояние человечества. То есть не нужно фантастику читать, нужно просто почтительно, как пребывает ребенок во чреве мамы. Предтеча был свят еще во чреве. Большинство святых святые святостью, приобретенной во взрослом возрасте. Например, мученик Вонифатий был грешником, потом отправился и кровь за Христа пролил. Большинство святых – это люди, которые пережили опыт греха и болезненно, с тяжестью, с мукой этот опыт греха во Христе преодолели. Таких святых большинство.

Меньшинство, гораздо меньше – это такие, как преподобный Сергей Радонежский, которые с детства в среду и пятницу грудь не брали и постились с самого маленького возраста, и пошли-пошли-пошли наверх. Но таких очень мало. Большинство святых – это люди, которые пережили опыт греха, и потом изблевали этого змия из себя и перемучались борьбой со своим собственным опытом греха.

Что еще можем сказать о святости? Скажем о ней, что она тяжело приобретается и легко теряется. Приобретается святость десятилетиями, теряется за полминуты. Одно лишнее слово, один ненужный взгляд, одно движение гнева – пропали труды десятилетий. Давид, сколько святой был человек, один взгляд на купающуюся женщину – и совершил прелюбодеяние, убийство, ребенок, рожденный от блуда, умер, и пошли кошмары дальше. Один взгляд святого человека может перечеркнуть всю святость прошедшей жизни. Вы это знаете по себе, как тяжело мы добываем добродетели и как легко их теряем и по прошествии многих лет мы наблюдаем, что мы ничего толком не приобрели.

Однако, дорогие христиане, сегодня у нас должно зажеглось желание опять стать святыми. Мы должны, во-первых, назвать для себя своих врагов. Какие наши грехи? Наши домашние. Враги человеку – домашние его. Самые родные наши грехи, самые любимые наши безобразия, самые родные наши мозоли – это наши грехи. Пожалуйста,

уменьшится, но спасенные и погибающие будут всегда до кончины мира.

Мне 11 лет. Как мне спастись? Учусь в школе. Посты не всегда соблюдаю. Молюсь кратким правилом. В нашем храме пою в большом мужском хоре (по праздникам и в субботу и воскресенье). Как мне реагировать: в коллективе взрослые мужчины шутят, анекдоты рассказывают. Мне тоже бывает смешно. Ведь это плохо. И как мне быть?

Старайся читать Евангелие и жития святых – там открыто все, что нужно для спасения. Когда на хоре шутят и рассказывают анекдоты, то ты молишь про себя и тогда скоро забудешь услышанные там глупости, но церковного пения не оставляй. Смех и анекдоты в храме – это вид беснования.

У меня есть духовный отец, у которого окормляюсь уже 16 лет. Но он очень нагружен, личного общения с ним практически нет и руководства, как кажется, тоже. Куда-то исчезло понимание им того, что происходит в моей душе. И еще стала замечать, что он иногда может рассказать особо приближенным своим чадам что-то из того, чем я с ним делилась. Это не касается тайны исповеди, но все равно очень неприятно.

Если духовный отец разглашает личную беседу, то это серьезный повод к перемене духовника, так как без полного доверия невозможно ни открытия помыслов, ни духовного руководства. Однако надо уточнить этот вопрос. Ведь грехи людей похожи друг на друга и, возможно, он не имел вас в

сегодня вспомните, какие грехи вами наиболее любимы, какими грехами вы более всего грешите, и от чего вы не собираетесь избавляться, и начинайте избавляться от них сегодня, потому что грехи есть главный наш враг. Когда мы умрем – это они нас в рай не пустят. «Рада бы душа в рай, но грехи не пускают». Поэтому сегодня пересмотрим свою жизнь и постараемся, постараемся опять начать войну с тем, с чем мы воевать не хотим.

Потом вспомним, кого из святых мы знаем. Мы знаем много святых, скажем, Николая Чудотворца, Серафима Саровского, царственных страстотерпцев, но вы спросите себя сегодня – кого из святых я чувствую? Потому что есть святые, которых я не чувствую, а есть святые, которых я чувствую, как родных.

Есть святые, которых чувствует человек, например, Ксению Блаженную или Иоанна Кронштадтского, или великомученицу Варвару, или святую Татьяну. Спросите себя, каких святых не просто чтите, а чувствуете, любите, потому что мы – родственники с ними. Если человек переезжает в другой город, ему нужно там кого-то знать, ну, хоть кого-то, хоть пару номеров телефонов, чтоб было, где кости бросить, чтобы было, у кого хлеба попросить. Когда мы переселимся в другую жизнь, нам нужно будет знать тех, кто там живет. Кто там живет? Филарет Московский там живет, Татьяна мученица там живет, те, которые лежат в Успенском соборе Кремля – Алексей, Петр – митрополиты Московские, они там живут, мы должны их знать. Мы должны знать тех, кто уже сегодня живет в Царстве Небесном. Это родные нам люди, мы их узнаем.

Закончу сегодня тем, что читал у одного афонского монаха, он сказал так: «Если я попаду в рай, если такое удивительное событие совершится, и таки я попаду в рай, я удивлюсь там трем вещам: первое, что я в раю, неужели я в раю; второе, я удивлюсь, что я увижу там тех, кого никак не ожидал там увидеть; и третье, я удивлюсь тому, что я не увижу там тех, кого 100% ожидал увидеть».

Вот такой он, рай, удивительный, непонятный, превосходящий всякое разумение, в котором мы с вами должны жить не за наши заслуги, а за заслуги Господа Иисуса, за Его воплощение от Девы Марии, за Его смиренную жизнь на земле, за Его великую проповедь, явленную в чудесах и знамениях, за Его Кровь, пролитую на Голгофе, за Его святое Воскресение. В день Страшного суда мы должны будем не только бояться, но и радоваться, потому что мы узнаем Его, любимого нами, и Кровь Его, и Плоть Его в нас сегодня, мы причастились. Мы узнаем святых, которых мы любим, призываем на молитву. Мы многое узнаем, и радостей наших никто не возьмет от нас. Поэтому, призвав вас к святости, желаю вам рано или поздно войти в рай.

Вот сегодняшнее евхаристическое собрание – это рай пред раем, это на пороге рая маленький рай. Поэтому каждое воскресение будем собираться в храмах здесь или в другом месте, будем насыщаться Евхаристией, будем стремиться к тому, чтобы быть святыми, ибо воля Божия – есть святость наша, чтобы мы воздерживались от всякого греха. Будем стремиться туда, где Татьяна, Филарет, Иоанн Кронштадтский, царственные страстотерпцы, Николай Чудотворец, Серафим Саровский, чтобы мы были с ними вместе у их ног, как говорится в одной древней молитве: «Собери нас, Господи, под ноги святых твоих когда хочешь и как хочешь, только без стыда». Аминь. Христос Воскресе!

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Насколько опасна угроза модернизма для Вселенского Православия в настоящее время, есть ли надежда преодолеть его в данный исторический период?

Мне кажется, что антихристианским силам в лице модернистов удалось сделать то, чего не могла добиться атеистическая инквизиция. Коммунизм отрывал людей от Церкви ложью и насилием; модернисты отрывают людей от Бога внутри самой Церкви.

Современный либерализм является субстратом – питательной почвой для модернистов. Либерализм декларирует вседозволенность в рамках общественных законов; а модернизм оправдывает, то есть, по сути дела, утверждает эту вседозволенность уверениями людей в том, что Бог как Абсолютная Любовь солидарен во всем с человеком и никого не может наказать, что ад это пугало для детей и теперь «средневековые» понятия о нравственности надо переосмыслить и преодолеть.

Первое, что мы должны делать, – это хранить и защищать православную веру и не участвовать в нравственной апостасии. О болезнях нашего времени и нарастающей секуляризации пророчески писал святой Игнатий Брянчанинов. Прочитайте его сочинения, особенно 5-ый том. Господь сказал: «Когда Я приду, то обещаю ли веру?» – то есть истинная вера

виду. Прежде чем оставить духовного отца, следует посоветоваться об этом с духовным лицом, которому вы доверяете.

Когда вы собираетесь говорить о своих проблемах с духовником, то старайтесь говорить об этом как можно короче, чтобы он понял самую суть дела; а рассказ со всеми подробностями скорее утопит главное во второстепенном. Иногда духовнику трудно слушать нас, потому что мы не исполняем его советов и между духовным отцом и его чадом образуется какая-то стена. Поэтому я советую вам обратиться к третьему лицу, которое было бы в курсе дела.

Мы молимся о упокоении души человека (усопшего), изменяем ли мы его состояние на данный момент (для того, чтобы его душа вселилась в другие обители) или мы испрашиваем прощение его грехов на момент страшного суда (душа неизменна от молитв)?

Уже до Страшного суда душа усопшего может быть спасена и переведена в райские обители или же получить облегчение по молитвам Церкви и христиан, живущих на земле. Святитель Василий Великий, прп. Ефрем Сирин и другие пишут о том, что в аду имеются различные обители и у грешников различные степени наказания. Непременным условием для спасения умершего является православная вера. Доставляет радость и облегчение усопшему милостыня, которую подают за него. Но милостыня подразумевает собой не только деньги, но и всякое доброе дело, которое совершается во имя усопшего.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«*Райские хутора*» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Кроме обычной школы, Николушка посещал и музыкальный – уж очень отец любил музыку: сначала возил с собой патефон и меж фронтовыми песнями слушал романсы в исполнении Надежды Андреевны Обуховой, потом приобрел радиолу и множество самых разных пластинок. Чаше других крутили Чайковского: по мнению отца, сочинения выдающегося композитора особенно гармонировали с волжскими берегами. Такой же чести удостоились некоторые произведения Глинки, Рахманинова, Бородина и Калининкова. Бывало, отец заведет пластинку, выйдет на палубу, смотрит на проплывающие берега и слушает, слушает... Потом говорит: «Годится!» Или: «Не годится!» Это уж кому как повезет. К его прискорбию, в музыкальной школе были только духовые инструменты – их Николушка и осваивал.

Летом, в каникулы, он жил с родителями на барже, помогая в меру сил и умения. Шкипер, а по судовому расписанию – баржевый, опускал и поднимал якоря, отвечал за швартовку, подруливание в сложных местах: у причалов, мостов и шлюзов, вечером зажигал на мачте огни. А еще приходилось то и дело ремонтировать что-нибудь, подкрашивать, драить, смазывать – Николушка во всех этих делах и участвовал. Мать стирала, готовила еду, но при необходимости могла не хуже отца управиться с якорями или швартовкой.

Последние школьные каникулы он, как обычно, проводил в плавании: из Ярославля вниз по реке везли автомобильные шины, из Астрахани вверх – арбузы.

В Астрахани – хорошо: только станет баржа под погрузку, появляются люди с черной икрой. Отец повышает, повышает, наконец выберет: возьмет литровую банку «наисвежайшей зернистой», поставит на стол и протягивает столовую ложку: «Держи, Коль, икру надо есть ложкой». Ну, понятное дело, помидоры еще, арбузы, фруктов всяких полно... А уж рыбы сколько! Хоть на рейде, хоть у причала – Колька прямо с борта лавливал и сазанов, и сомов, и жерехов, и окуней, и судаков, и щук... Про воблу говорить нечего – ее вялили сотнями. До чего же хорошо в Астрахани! Было... тогда... Впрочем, и сейчас еще неплохо.

Загрузили баржу арбузами и отвели на рейд – ждать второе суденышко: их должны были буксировать парой. Коля с самого утра рыбачил и успел уже много чего наловить. Тут подошел пассажирский дизель-электроход из Москвы: ожидая, когда освободится занятый кем-то причал, он тихонько подрабывал винтом и стоял совсем рядом. Это, конечно, мешало забрасывать снасти, и Колька прервал занятие. Повороти́л землю в старом ведерке – посмотрел, сколько осталось червей: в Астрахани червяков нет, приходилось возить из Ярославля. Решил, что наутро хватит, а больше и не надо было – днем следовало отправляться.

От нечего делать поднялся по лесенке на крышу надстройки, где был огромный штурвал, управлявший рулем, положил руки на этот штурвал и стал бесцельно рассматривать дальний рейд, причалы, набережную... Оборотился к дизель-электроходу, который никак не хотел уходить, увидел капитана в рубке, двух матросов, укладывавших канат на нижней палубе... За окном одной из кают светлело лицо девушки... Он не успел еще разглядеть это лицо, но замер и перестал дышать...

Он даже не подозревал, что мгновение, пролетевшее только что, перевернуло всю его жизнь.

Потом девушка выбежала на палубу.

– Как тебя зовут? – крикнул он.

– Маша. А тебя?

Он назвался. И тут пассажирский начал набирать ход.

– Как найти?

Девушка несколько раз прокричала номер, Коля запомнил.

Зимой они общались только по телефону, и то редко, когда Коле удавалось накопить денег. Летом, к полной неожиданности для родителей, он поехал поступать вовсе не в мореходку, а в музыкальное училище, – он поехал в Москву. И поступил. Маша отдыхала с матерью где-то на юге и вернулась только

к первому сентября. Тут и у него, и у нее начались занятия – а она училась в десятом классе, – и поначалу встречи получались краткими, на улице. Наконец Коля был принят в доме и представлен матери – отец давно завел другую семью и не появлялся.

Теперь все свободное время он проводил либо в гостях, либо, ожидая ее из школы, на трамвайной остановке. Обнаружилось, что у Маши есть и другие поклонники, а среди них – вполне состоявшиеся молодые люди с профессией и зарплатой, а не с жалкой стипендией.

– Ты волнуешься из-за них? – как-то спросила Маша.

Коля кивнул.

– Не волнуйся, – спокойно сказала она.

Однако он продолжал страдать. И не столько из-за поклонников, сколько из-за себя самого: с каждым днем собственный провинциализм и необразованность становились ему все очевиднее. Он понимал, что там, в Астрахани, на Волге, он был в своей стихии и, вероятно, произвел на девушку какое-то впечатление, а здесь он превратился в экзотику – деревенский трубоч. Машина мама так и называла его – Трубочом. Она занималась литературным переводом с французского, была хороша собой, жаждала замужества, и среди ее гостей то и дело оказывались знаменитости.

Отчуждение нарастало, и однажды он с грустью произнес:

– Ты, кажется, меня совсем разлюбила.

– Нет, – отвечала Маша словно в раздумье, – я люблю тебя, – но в голосе ее слышалась недоговоренность. Лишь спустя годы он понял, что это было предчувствие несбыточности.

Следующим летом, когда Маша должна была поступать в университет, Николай со студенческим оркестром отправился на гастроли: он хотел заработать денюжат, чтобы приодеться и выглядеть посolidнее. И началось: перелеты, переезды, концерты, релетиции – то в гостиничном номере телефона нет, то есть, да разница во времени такова, что в Москве ночь глубокая. Да тут еще флейтистка на соседнем стуле – когда плечиком, словно невзначай, прикоснется, когда колечкой. В общем, долго не звонил он в Москву. А позвонил – никто не отвечает. И в другой раз, и в третий...

Вернулся Николай – а в квартире Машиной никого нет: свет по вечерам не зажигается. Потерялась Маша. Тут, правда, одна пианистка предложила подготовить концертную программу для гобоя и фортепиано.

Полгода готовили, можно было давать концерт, однако появилась вокалистка – меццо-сопрано, из-за которой инструментальный дуэт вмиг рассорился.

Однажды вечером свет в Машиных окнах зажегся. Николай радостно подбежал к дверям, но оказалось, что там поселились чужие люди. Они сообщили только, что квартирный обмен получился сложным, многоступенчатым и что прежняя хозяйка, кажется, вышла замуж за овдовевшего дипломата и уехала в неведомую страну.

Потом Николай окончил консерваторию, играл в хороших оркестрах, стал лауреатом конкурса.

Он был дважды женат, разводился и век свой доживал в одиночестве. Оборачиваясь в прошлое, с удивлением убеждался, что женщины не оставили в его душе никакого следа, – совсем никакого. Там была только Маша. Единственная. Меж тем они и поцеловались-то по-взрослому лишь раз. Был зимний вечер, они стояли в сквере у Машиного дома, под фонарем, снег падал тихими хлопьями... Их бросило друг к другу с такой силой, что губы – в кровь. «Как еще зубы не повыбивали», – смеялись они потом над своей неумелостью.

И ему верилось, что она непременно жива, и все-то у нее слава Богу: муж, дети, внуки... И все они здоровы и благополучны. И от этой мысли ему становилось радостно и тепло, и он улыбался. Но временами подступала боль: ах, если бы встретиться с ней, пусть хоть ненадолго – на мгновение... Ему казалось, что вся прошедшая жизнь обрела бы тогда какую-то упорядоченность, завершенность, какой-то смысл. Он ощущал себя раздерганным, расстроенным инструментом: одна струна настраивалась под одного человека, другая – под другого, третья – под третьего... А тут, глядишь, осталось бы только то, что связано с Машей, все прочие струны можно было бы выкинуть. Пусть не арфа, пусть балалайка, зато – с чистым голосом. И вместо омерзительного дребезжания он, быть может, услышал бы мелодию хоть и простую, но ласковую, красивую.

Если бы встретиться... Хоть на миг...

Дебаркадер

Перегоняли дебаркадер – из одной протоки в другую. На нем много лег размещалась рыболовно – охотничья база, но рыбы в ближайшей округе совсем не стало, и пришлось перебираться на другой банк: банками здесь называют самые большие протоки, выходящие непосредственно в Каспий.

На время события прием гостей был приостановлен – дебаркадер оставался без электричества, а значит – совсем без комфорта, однако меня это обстоятельство не смутило, и я напросился в плавание. Предполагалось, что оно будет кратким, и ночевать придется уже на новом месте. Начальником моим был назначен механик, оставшийся для присмотра за сооружением.

Подошел буксир, зацепил тросом, потом от старых деревьев отвязали канаты, удерживавшие дебаркадер у клочка земли, и началось путешествие. Был конец лета, день тихий и солнечный. Мы с механиком сидели в пластмассовых креслах на палубе, нас обдувал ветерок, и ни мошка, ни комары не мешали.

Пролетела байда – десятиметровая стальная ладья с двумя подвесными моторами по двести сил каждый. Вся в воздухе, только корма воды касается, носовые обводы узкие, как стилет.

– Бракаши, – сказал механик, – в море пошли – проверять сети.

Да я и сам знал, что эти гоночные морские лодки – транспорт исключительно браконьерский: пустое металлическое корыто, разве что стлани на дне.

Обсудили с механиком, как изменился беззаконный промысел за полвека. Тогда осетровых добывали выше Астрахани – в речных протоках: брали только икру, от рыбы сразу же избавлялись. Бывало, на рассвете забросишь удочки, а мимо проплывают осетры с распоротыми животами. Браконьерами в те времена правили хронические уголовники.

Теперь все иначе: рыбу добывают в море на большой глубине, и через преграду из морских сетей пробиваются разве что единицы. Икры нет, поскольку вылавливается уже молодняк – недоросли. А командуют этим занятием государственные мужи с достославными биографиями. Случается иногда, что байды пропадают бесследно, но недоразумения такого рода происходят, конечно же, исключительно из-за стихии, а вовсе не оттого, что чиновники не поделили акваторию Каспия.

Только закончили горестную беседу, как дебаркадер влетел на мель, – мы даже с кресел попадали. Буксир дернул раз, другой – не сползаем. Что-то кричали механику, что-то кричал он сам, между тем течение стало разворачивать плавучую нашу гостиницу и развернуло так, что корма уперлась в противоположный берег, – протока была перекрыта.

– Расклинило... или заклинило... не знаю даже, как правильнее сказать, – оценил ситуацию механик.

Высвободили трос, буксир причалил к нам бортом и попытался вернуть дебаркадер в прежнее положение. Течение не позволило. Решили, что толкать надобно другим бортом, перешвартовались – и вновь без всякого результата. Потом надумали размывать берег потоком воды от работающего винта. Как будто заладилась. Но стало темнеть, а заниматься в потемках столь кропотливым делом было опасно, и потому, заглушив двигатель, собрались в крохотном кубрике буксира: мы с механиком и капитан с матросом. Вскипятили чай, и капитан спрашивает меня:

– Знаете на Волге городок Плес?

– Разумеется, – говорю, – и даже бывал там.

– Место, где мы засели, на старых лодциях тоже именуется Плес, в честь того городка, стало быть.

Я заметил, что между красотой знаменитого Плеса и однообразием окружавшего нас тростника мало общего.

И капитан рассказал, что до строительства плотин Волга была далеко не столь полноводной, а самым трудным для судоходства участком испокон века считался Плес: фарватер уж очень извилистый. Бурлакам приходилось пускаться вплавь со своими веревками: то вдоль одного берега барку тащат, то вдоль другого. В засушливое лето река мелела, и для того, чтобы благополучно провести барки, их приходилось разгружать до необходимого уровня. Тогда в городок стали съезжаться скупщики, приобретавшие сброшенные товары по низкой цене. Так возникло местное купеческое сословие.

Продолжение следует

Православный календарь

7 июн., вс. – Неделя 1-я по Пятидесятнице, всех святых. Третье обретение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (ок. 850). Сщмч. Ферапонта, еп. Кипрского (IV). Свт. Иннокентия, архиеп. Херсонского (1857). Прмц. Елены (1938). Прмч. Тавриона (1939).

8 июн., пн. – Апп. от 70-ти Карпа и Алфея (I). Мч. Георгия Нового (1515). Мчч. Аверкия и Елены (I). Прп. Иоанна Психайта исп (IX). Прп. Макария Калязинского (1521).

9 июн., вт. – Сщмч. Ферапонта, еп. Сардийского (III). Обретение мощей прп. Нила Столобенского (1667). **Прав. Иоанна Русского, исп. (1730).** Мчч. Феодоры девы и Дидима воина (304). Прп. Ферапонта Белоезерского (1426). Прп. Ферапонта Монзенского (1597).

10 июн., ср. – Прп. Никиты исп., еп. Халкидонского (IX). Свт. Игнатия, еп. Ростовского (1288). Прп. Елены Дивеевской (1832). Сщмч. Евтихия, еп. Мелитинского (I). Мц. Еликониды (244). Сщмч. Елладия, епископа (VI-VII). Свт. Геронтия, митрополита Московского (1489).

11 июн., чт. – Прмц. Феодосии девы, Константинопольской (730). Блж. Иоанна, Христа ради юродивого, Устюжского (1494). Мц. Феодосии девы, Тирской (ок. 307-308). Память I Вселенского Собора (325). **Свт. Луки исп., архиеп. Симферопольского (1961).**

12 июн., пт. – Прп. Исаакия исп., игумена обители Далматской (383). **Прп. Варлаама Хутынского (1192).** Сщмч. Василия пресвитера (1942).

13 июн., сб. – Ап. от 70-ти Ерма (I). Мч. Ермия (II). Мч. Философа (III). Сщмч. Философа пресвитера и сыновей его мчч. Бориса и Николая (1918).

Отметим

Когда турки намеревались занять то место, где жили родители преподобного Нектария Афонского, мать преподобного, работая на гумне, забылась кратким сном и увидела Пресвятую Богородицу. Дева Мария объявила ей, что турки займут их область, и повелела тотчас бежать вместе с мужем и детьми и скрыться в какой-нибудь стране. Лишь только видение кончилось, женщина сказала об этом своему мужу, и они, нисколько не медля, взяли своих детей, оставили родину и скрывались до тех пор, пока агаряне, завоевавшие Бетюлию, после ее расхищения и разграбления не рассыпались для грабежа и неистовств по другим местам. Так предстательством Богородицы было спасено благочестивое семейство.

Однажды, по своему обыкновению, преподобный Елеазар совершал в келлии краткую Иисусову молитву и полагал поклоны, а потом стал читать молитву к Пресвятой Богородице: «Пресвятая Госпожа Владычице, Богородице, спаси меня, грешного!» И вот внезапно является перед ним Пресвятая Богородица в сиянии небесной славы, имея три светлые звезды – одну на голове и две на плечах. Царица Небесная произнесла: «Елеазар, не переставай призывать Меня в своих молитвах, и Я буду помогать тебе до исхода твоей души».

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия (Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма
<http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!